

Д. О. Османова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis?

Резюме. В статье рассматриваются концептуальное назначение процедуры несостоятельности (банкротства) и наметившаяся тенденция к господству указанного правового механизма над иными (базовыми) правовыми категориями. В качестве примеров приводятся три ключевые категории: институт невмешательства в частные дела, который в обратном случае трансформируется в интервенцию; институт ограниченной ответственности учредителя (участника) и созданного им юридического лица, предполагающий четкую сепарацию имущественных масс данных субъектов, а также институт исковой давности. Доказано, что процедура банкротства модифицирует восприятие обозначенных категорий: интервенция становится приемлемой (что проявляется, например, в допустимости оспаривания сделок и анализа хозяйственной деятельности должника); границы имущественных масс юридического и физического лица стираются в контексте института субсидиарной ответственности при банкротстве. И только институт исковой давности, благодаря актуальной судебной практике, пока подвержен меньшим изменениям, которые тем не менее также наблюдаются.

Автор приходит к выводу о недопустимости рассмотрения института банкротства в качестве инструмента безграничного подавления иных правовых конструкций в угоду интересам сообщества кредиторов. Предпринята попытка продемонстрировать, что правовая сущность института несостоятельности гораздо шире, чем принято считать. Это, в свою очередь, объясняет недопустимость и опасность восприятия процедуры банкротства в качестве некоего «сакрального» правового явления.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); исковая давность; ограниченная ответственность; оспаривание сделок; субсидиарная ответственность; интервенция; невмешательство в частные дела; должник; кредитор; сообщество кредиторов; баланс интересов

Для цитирования: Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.144-161

Insolvency (Bankruptcy) Procedure: Quo Vadis?

Diana O. Osmanova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the conceptual role of the insolvency (bankruptcy) procedure and the emerging trend towards the dominance of this legal mechanism over other (basic) legal categories. Three key categories are given as examples: the institute of non-interference in private affairs, which in the opposite case is transformed into intervention; the institute of limited liability of the founder (participant) and their legal entity, which presupposes a clear separation of the property masses of these subjects; and the institute of limitation period. It is proved that the bankruptcy procedure modifies the perception of the mentioned categories. Intervention

becomes acceptable, which finds expression, for example, in the admissibility of challenging transactions and analyzing the debtor's economic activities. The boundaries of the assets of a legal entity and an individual are blurred out in the context of the institution of subsidiary liability in bankruptcy. Only the statute of limitations, due to current court practice, is still subject to fewer changes, which are nevertheless present.

The author concludes that it is unacceptable to consider the institution of bankruptcy as an instrument of unlimited suppression of other legal structures in favor of the interests of the creditor community. An attempt has been made to demonstrate that the legal essence of the institution of insolvency is much broader than is commonly believed. This, in turn, explains the inadmissibility and danger of perceiving bankruptcy proceedings as a kind of «sacred» legal phenomenon.

Keywords: insolvency (bankruptcy); limitation period; limited liability; challenging transactions; subsidiary liability; intervention; non-interference in private affairs; debtor; creditor; community of creditors; balance of interests

Cite as: Osmanova DO. Insolvency (Bankruptcy) Procedure: Quo Vadis? *Lex russica*. 2024;77(5):144-161. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.144-161

Постановка проблемы

Поводом к написанию статьи стал разгоревшийся научный скандал по делу Г. Б. Балаяна (*определение Верховного Суда РФ от 24.01.2024 № 305-ЭС20-20127(20)*), лучше всего подсветивший более глобальную проблему — идею о главенстве процедуры банкротства, довлеющей над иными отраслями права и законодательства, что, в свою очередь, приводит к посягательству на базовые категории гражданского права и нередко к их изменению или подавлению.

Стремительное распространение подобного подхода в науке и судебной практике на фоне преобладающего его одобрения и готовности ему следовать отражает превращение института банкротства чуть ли не в священную корову гражданского права. Эта ситуация вызывает у автора настоящей работы нешуточные опасения.

Популярность темы несостоятельности

Если следовать элементарным экономическим законам спроса и предложения, не совсем понятно, что порождает увеличение количества практических споров, влекущих необходимость

научного обоснования наиболее сложных вопросов либо, наоборот, развитие теории банкротного права, в результате которого указанный механизм становится более понятным для участников оборота, которые не боятся его использовать в своей деятельности. В любом случае, статистические данные свидетельствуют о том, что существенная доля споров, рассматриваемых арбитражными судами, касается дел о несостоятельности (банкротстве).

Так, в 2018 г. количество заявлений о признании должника банкротом по сравнению с 2017 г. увеличилось на 21 % и составило 96 тыс. (в 2016 г. — 67,7 тыс., в 2017 г. — 79,4 тыс.)¹; в 2019 г. число таких заявлений по сравнению с 2018 г. увеличилось в полтора раза (+52,6 %) и составило примерно 146,5 тыс.²; последующее увеличение произошло в 2020 г. (на 30 %) — до 191,6 тыс. заявлений, что составило 10,8 % от общего количества поданных в арбитражный суд заявлений³; к 2021 г. данный показатель заметно вырос и составил 16 % от общего числа поданных заявлений (298,3 тыс.)⁴; в 2022 г. цифра достигла 18 % от общего числа поданных заявлений (353,7 тыс.)⁵.

Таким образом, к 2022 г. почти каждое пятое рассматриваемое арбитражными судами дело касается споров о несостоятельности (банкрот-

¹ URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/Obzor_sudebnoy_statistiki_arbitraznih_sudov_v_2018.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

² URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_arbitraznih_sudov_v_2019_godu.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

³ URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_STAT_arbitrazh_2020.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_AS_v_2021.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ URL: http://www.cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_AS_v_2022_ITOG_1.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

стве). А с учетом данных ВС РФ за 2023 г. обозначенный показатель будет только расти⁶.

Такая масштабность, с одной стороны, создает предпосылку для разрешения наиболее сложных и неоднозначных проблем, ведь при таком многообразии увеличивается шанс на рассмотрение, в том числе Верховным Судом РФ, системообразующих споров, на которые в дальнейшем ориентируется практика. С другой стороны, она может привести к искаженному восприятию института банкротства и в некоторых аспектах к чрезмерному дозволению и широкому судебному усмотрению со ссылкой на необходимость защиты публичных интересов и интересов неопределенной группы лиц в лице кредиторов, уполномоченных органов и иных вовлеченных в процедуру участников.

В результате хрупкий баланс всё более смещается в сторону идеи о первостепенной важности института несостоятельности, которая нередко подавляет иные, базовые правовые категории.

Институт несостоятельности vs принцип невмешательства в правовые отношения

В силу п. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании среди прочего недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Всякое нарушение данного правила должно быть обусловлено исключительными обстоятельствами и основано на законе.

Под интервенцией в правоотношение понимается ситуация, когда лицо, в нем не уча-

ствующее, вторгается в обязательственную связь контрагентов, причиняя им (или одному из них) имущественные потери⁷. Интервенция может проявляться в различных формах: уничтожение или повреждение эксклюзивного актива, являющегося предметом обязательства, в результате чего кредитор утрачивает возможность его получения; причинение вреда здоровью или лишение жизни должника, которые осложняют или влекут невозможность реализации кредитором своего права требования; заключение и исполнение договора лицом, уже состоящим в договорных отношениях по поводу этого же актива, в случае его эксклюзивности⁸. Указанный ряд можно продолжить, включив оспаривание заключенной сделки третьим лицом, не участвующим в правоотношении, поскольку в результате правовая связь нивелируется и стороны вынуждены вернуть полученное (п. 2, 3 ст. 166, п. 2 ст. 167 ГК РФ)⁹.

В обычных условиях интервенция воспринимается исключительно как негативное явление. Как указывает А. А. Копяков со ссылкой на А. С. Чупрунова, недобросовестное вторжение интервента в правоотношения как минимум несправедливо и заслуживает порицания с точки зрения нравственности¹⁰. А. С. Чупрунов отмечает, что институт ответственности интервента за вмешательство в договорные отношения при разумном подходе выполняет важную функцию в правовом регулировании — обеспечивает устойчивость договорных связей в обществе. Правопорядок, как пишет ученый, не должен поощрять полное игнорирование интересов участников договорных отношений¹¹.

⁶ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7899> (дата обращения: 14.04.2024).

⁷ См.: Березина Е. А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников Российской школы частного права. М. : РШЧП, 2018. Т. 2 : Особенная часть / под ред. А. В. Егорова, А. А. Новицкой. С. 24–25.

Следует уточнить, что автор пишет об интервенции в договорные отношения, однако нет объективных препятствий для расширения категории и применения ее ко всем видам правоотношений; сущность интервенции не меняется.

⁸ См.: Копяков А. А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146–196.

⁹ Об этом, например, также писал А. В. Ульянов (Ульянов А. В. О признании недействительными сделок на основании вторжения в чужие договорные отношения // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М. : ИЗИСП, Контракт, 2019. Вып. 25. С. 19–34).

¹⁰ Копяков А. А. Указ. соч. ; Чупрунов А. С. Тезисы к научно-практическому круглому столу «Интервенция в чужие договорные отношения» // URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Chuprunov_M-Logos.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

¹¹ Чупрунов А. С. Указ. соч.

Доводы о восприятии интервенции в негативном ключе и необходимости противодействия ей обнаруживаются и в иных научных работах¹².

Однако в ситуации несостоятельности (банкротства) интервенция оценивается иначе. Специальное законодательство наряду с судебной практикой поддерживают идею допустимости вторжения в правоотношения должника в целях защиты интересов кредиторов.

Речь в первую очередь идет об оспаривании сделок кредитора, но этим, разумеется, не ограничивается¹³. Причем такое оспаривание давно вышло за рамки судебного дела о банкротстве, поскольку допускается как конкурсное, так и внеконкурсное обжалование¹⁴ действий должника. Автор настоящей работы писал об этом ранее и указывал, что внеконкурсное оспаривание представляет собой нарушение традиционного, установленного специальным законом порядка обжалования сделок¹⁵.

Довод о том, что это нарушение «традиционного порядка оспаривания», обоснован ссылками на положения Закона о банкротстве¹⁶,

закрепляющие возможность ретроактивного контроля за счет специального механизма признания сделок недействительными, но лишь в рамках судебного дела о банкротстве. Институт внеконкурсного оспаривания расширяет указанные возможности, предоставляя доступ к такому поведению *вне инициированного дела о несостоятельности*.

Подобное явление по-прежнему по своей сути представляет собой интервенцию. Как указывает К. А. Усачева, внеконкурсное оспаривание является не просто способом в некоторой мере автоматического увеличения активов, за счет которых кредиторы могут получить удовлетворение своих требований, но и *вмешательством в чужие договорные отношения, говоря более абстрактно — вмешательством в частную автономию*¹⁷.

Таким образом, в условиях процедуры несостоятельности (банкротства) то, что в иной ситуации имело бы резко негативное значение, приобретает положительный «полюс» в угоду *защите интересов кредиторов должника*¹⁸. Именно эта причина положена в основу

¹² См., например: Гуна А. Н. Координация требований к должникам из разных оснований. Преодолевая догму // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 165–190 ; Осипов В. А. Признание недействительными сделок лиц, недобросовестно вторгающихся в чужие договорные отношения // Арбитражные споры. 2021. № 4 ; Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022 ; Тарасов П. А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 135–154 ; Ульянов А. В. Указ. соч. ; Neyers J., Bronaugh R. Exploring Contract Law. Oxford and Portland, 2009. P. 225–228 ; Posner R. A. Economic Analysis of Law. 7th ed. Aspen, 2007.

¹³ Например, в качестве иного примера интервенции можно рассмотреть ситуацию просуживания фиктивной задолженности, или оспаривания процессуальных актов, подтверждающих требования иных кредиторов. См.: Османова Д. О. Обоснованная интервенция в условиях несостоятельности (банкротства) должника // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 95–104.

¹⁴ О внеконкурсном оспаривании также см.: Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 105–112 ; Курбанов Б. М., Усачева К. А. Институт внеконкурсного оспаривания. Какие нюансы следует учесть на практике // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 1. С. 83–86.

Возможность внеконкурсного оспаривания закреплена в п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: Османова Д. О. Указ. соч.

¹⁶ Федеральный закон от 23.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (гл. III.1).

¹⁷ Усачева К. А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 131–176.

¹⁸ Здесь имеются в виду не только конкурсные кредиторы, но и уполномоченные органы, работники и бывшие работники и все иные лица, имеющие обоснованные требования к должнику.

использования данной доктрины¹⁹. Однако подобное обоснование сомнительно.

Ранее автор уже отмечал, что конкурсная масса (в самом широком понимании) — это ценность имущества должника, соотносимая с потенциальными притязаниями его кредиторов, для каждого из которых важен личный интерес, заключающийся в полном удовлетворении его требований. Так что у каждого из кредиторов имеется собственное стремление не допустить обращения к судебной процедуре банкротства. Это, в свою очередь, означает, что внеконкурсное оспаривание *всегда мотивировано личной потребностью кредитора и направлено на защиту его интересов*, а результатом является сохранение имущественной массы его контрагента в таком состоянии, когда ее стоимостное наполнение достаточно для удовлетворения требований. Интересы иных кредиторов в таком случае в расчет не принимаются, хотя косвенно могут затрагиваться²⁰.

Эти доводы подтверждаются судебной практикой. Например, в одном из дел, переданных на рассмотрение Верховного Суда РФ, истцы оспаривали договор купли-продажи об отчуждении объектов недвижимости, принадлежащих на праве собственности обществу, которое обязано было выплатить им действительную стоимость долей в связи с их выходом. В обоснование своих требований, что прямо отражено в судебном акте, истцы указали, что оспаривание договора купли-продажи направлено на *защиту их интересов*, которая будет обеспечена в результате возврата каждой из сторон

оспариваемого договора всего полученного по сделке. Тогда общество как участник обжалуемой сделки сможет исполнить вступивший в законную силу судебный акт о взыскании в пользу истцов действительной стоимости доли²¹.

В результате складывается парадоксальная ситуация: в обычных условиях (вне банкротных правоотношений) интервенция недопустима, поскольку эгоистичный интерес одного лица не может быть поставлен выше потребностей и прав других участников оборота, но в случае возникновения потенциального риска несостоятельности такой же по своей сути интерес, но прикрытый категорией «интересы неопределенного круга лиц — сообщества кредиторов», позволяет нарушить частную автономию субъекта (потенциального должника).

Косвенно осознание данного вывода обнаруживается в правоприменительной практике. В одном из судебных актов, которые отметил в своем блоге О. Р. Зайцев²², Арбитражный суд Краснодарского края проводит краткий анализ иностранного законодательства о правилах применения такого способа защиты. В частности, приводятся положения Гражданского кодекса Дании, законодательства отдельных штатов США, Гражданского кодекса Квебека, а также отдельные примеры иностранной судебной практики и доктрины и резюмируется, что такой способ защиты, будучи крайне специфическим, требует прямого законодательного закрепления, регламентации и регулирования самым тщательным способом, доктринальной разработки, а также прямого признания такого иска в решениях высших судов²³.

¹⁹ На это, например, обращают внимание О. Р. Зайцев в видеолекции (*Зайцев О.* Внеконкурсное и конкурсное оспаривание сделок // Legal Academy. 21.08.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uHcMsNIUPZU> (дата обращения: 01.03.2024)); участники научно-практического онлайн круглого стола «Внеконкурсное оспаривание сделок» (URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskij-onlajn-kruglyj-stol-vnekonkursnoe-osparivanie-sdelok/ (дата обращения: 01.03.2024)); Пленум Верховного Суда РФ в п. 75 постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²⁰ См.: *Османова Д. О.* Указ. соч.

²¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.06.2017 по делу № 301-ЭС16-20128, А28-12640/2015.

Подборка судебной практики по вопросу внеконкурсного оспаривания предложена О. Р. Зайцевым в его ТГ-канале (URL: <https://t.me/Shokobear>, пост от 27.01.2021). Все предложенные им примеры правоприменительной практики демонстрируют, что интерес истцов сосредоточен исключительно на удовлетворении собственных потребностей.

²² URL: <https://t.me/Shokobear> (пост от 19.06.2022).

²³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 14.04.2020 по делу № А32-45051/2019 // URL: https://casebook.ru/File/PdfDocument/b1635056-da64-468a-9971-2e1c42c8e16a/09bea459-94e0-4f6c-8088-9c09d407043b/A32-45051-2019_20200414_Reshenie.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Столь аккуратное использование и обоснование важности нормативного закрепления, по мнению автора настоящей работы, еще раз подчеркивают осознание правоприменителем того, какие базовые категории ущемляются при использовании данного механизма защиты.

При оценке соотношения института несостоятельности и одного из базовых принципов гражданского права неизбежен вывод о «проигрыше» последнего: процедура банкротства модифицирует восприятие возможности вторжения в частную автономию другого лица в целях защиты интереса одного из кредиторов, который якобы олицетворяет сообщество таковых.

Институт несостоятельности vs принцип ограниченной ответственности (имущественной обособленности юридического лица)

А. А. Кузнецов со ссылкой на зарубежных авторов указывает, что обособленность юридического лица важна как для кредиторов общества, так и для его участников, она обеспечивает невозможность обращения кредиторов общества к участникам и наоборот. Принцип имущественной обособленности представляет собой, по мнению данного автора, прием юридической техники, который позволяет участвовать в обороте в качестве единого субъекта обособленному имуществу и множеству участников²⁴.

Значимость принципа имущественной обособленности подчеркивается и в учебной литературе²⁵, и в научных источниках²⁶. Данный принцип имеет нормативное закрепление в п. 1 ст. 48 ГК РФ, в силу которого юридическое лицо — это организация, которая *имеет обособленное имущество, которым отвечает по своим обязательствам*.

Тем самым ГК РФ отграничивает имущественную массу физического лица — учредителя (участника) юридического лица от имущественной массы юридического лица, устанавливая в качестве генерального правила невозможность обращения взыскания на имущество любого из указанных лиц по их долгам (в частности, ст. 56, п. 1 ст. 87, п. 1 ст. 96, п. 6 ст. 113 ГК РФ). В то же время указанное правило предполагает некоторые исключения, установленные законом (например, п. 1 ст. 75, абз. 2 п. 4 ст. 86.1, п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ).

А. В. Егоров и К. А. Усачева со ссылкой на Д. В. Ломакина указывают, что принцип ограниченной ответственности — общее и практически незыблемое правило, являющееся одним из существенных факторов при выборе корпоративной формы организации бизнеса²⁷. В то же время авторы отмечают, что стремление инвесторов ограничить свои риски лишь суммой внесенного вклада должно согласовываться с необходимостью защиты интересов кредиторов созданной корпорации²⁸.

²⁴ См.: Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98; № 4. С. 7–54; Loss L. The Fiduciary Concept as Applied to Trading by Corporate «Insiders» in the US // Modern Law Review. 1970. Vol. 33. Iss. 1. P. 40–41.

²⁵ Например, об этом указано в учебнике по корпоративному праву под редакцией И. С. Шиткиной (Корпоративное право : учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019); на этот признак также указывает Д. В. Ломакин в учебном пособии, посвященном коммерческим корпорациям как субъектам корпоративных правоотношений (Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. М. : Статут, 2020. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77177/1/978-5-7996-2663-1_2019.pdf (дата обращения: 04.03.2024)).

²⁶ О действии указанного принципа см., в частности: Верещагин А., Румак В. Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен [Интервью с Д. И. Степановым] // Закон. 2020. № 11. С. 8–19; Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. М. : ИЗиСП, Статут, 2021; Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33; Шмакова Е. Н. К вопросу об определении пределов действия принципа ограниченной ответственности (анализ законодательства) // Вестник арбитражной практики. 2017. № 5. С. 72–77.

²⁷ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73.

²⁸ См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч.

Это подводит к выводу о допустимости отступления от строгого действия принципа ограниченной ответственности (или иначе — имущественной обособленности юридического лица). Справедливости ради следует оговориться, что такое допущение встречается не только в банкротных, но и в корпоративных спорах (не предполагающих несостоятельности). В частности, нивелирование принципа ограниченной ответственности юридического лица привело к созданию доктрины снятия корпоративной вуали, которая также стала предметом тщательного научного исследования²⁹.

Однако в случае обращения к этой доктрине судебная практика старается выработать некоторые правила.

С опорой на зарубежный опыт можно констатировать, что причинами, позволяющими растворить границы между имущественной массой юридического лица и его учредителя (участника), могут стать:

— злоупотребления со стороны последнего, когда юридическое лицо изначально создается с недобросовестными целями и функционирует на основании игнорирования его самостоятельности;

— прямое указание закона, допускающего в отдельных случаях предъявление требования к имущественной массе не только юридического лица, но и его «создателя»³⁰.

В российских реалиях возможность привлечения к ответственности по долгам юридического лица обусловлена причинением последнему вреда действиями контролирующих лиц (ст. 53 ГК РФ); этот вред может быть выражен в том числе в доведении до банкротства (на чем базируются положения гл. III.2 Закона о банкротстве). Столь обширная причина, которая может быть положена в основу преодоления рассматриваемого принципа, создает предпосылку к стиранию границ допустимых исключений, когда дело касается института несостоятельности.

Дело в том, что вопреки, казалось бы, ограниченному перечню оснований субсидиарной

ответственности в процедуре банкротства, правоприменительные органы склонны к расширительному их восприятию. Так, статьи 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве устанавливают, что субсидиарная ответственность может наступить: 1) за невозможность погашения требований кредиторов или 2) за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о признании его банкротом. Учитывая сложность установления обязательных к доказыванию обстоятельств, Закон о банкротстве, наряду с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление ВС РФ № 53), устанавливает множество презумпций.

К сожалению, некоторые из них суды нередко воспринимают в качестве самостоятельных оснований для привлечения к субсидиарной ответственности: например, в постановлении АС Московского округа от 18.09.2018 по делу № А40-2194/12 основанием для привлечения к субсидиарной ответственности стали действия генерального директора должника по передаче документации; в определении ВС РФ от 21.03.2022 № 305-ЭС19-22034(6) по делу № А40-203020/2016 со ссылкой на нижестоящие инстанции указано, что основанием для привлечения к субсидиарной ответственности явились действия контролирующего лица по заключению сделок, причинивших существенный вред имущественными интересам кредиторов.

Однако обозначенная проблема касается не только правовых оснований привлечения, но и личности субъекта, который может выступить ответчиком по спору. В контексте ст. 53.1 ГК РФ к ответственности могут быть привлечены как лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочены выступать от имени юридического лица, так и лица, имеющие фактическую возможность определять действия последнего, в том числе давать указания лицам, которые

²⁹ См., например: Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120–144; Ачкасов Л. А. Доктрина снятия корпоративной вуали: законодательное регулирование // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4. С. 32–36; Артемова А. Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию // Юрист. 2019. № 11. С. 36–42; Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 80–125.

³⁰ Такие правила, в частности, существуют в Германии. См.: Егоров А. В., Усачева К. А. Указ. соч.

юридически вправе определять деятельность должника.

В силу п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Примерно такое же определение контролирующего лица дано в п. 3 Постановления ВС РФ № 53: по общему правилу необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника лиц является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия.

Получается, контролирующее лицо — это потенциально любой субъект, который имеет над должником контроль. Столь широкое понятие размывает критерии дозволенного при установлении круга потенциальных ответчиков по такому спору. Это, в свою очередь, приводит к привлечению к субсидиарной ответственности³¹: главного бухгалтера должника³², супруга³³ и детей генерального директора должника³⁴, равно как и иных его родственников или друзей³⁵, заместителя директора по техническим

вопросам³⁶, коммерческого директора³⁷, а также к попыткам привлечь к субсидиарной ответственности юриста должника³⁸.

Создается впечатление, что судебные органы, а также научные исследователи, подерживающие подобное восприятие обозначенного института, забывают о главной идее, заложенной в п. 1 Постановления ВС РФ № 53 (на что также указывал Р. Т. Мифтахутдинов³⁹): привлечение к субсидиарной ответственности является *исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов*.

Данное предостережение и ключевое правило для применения, установленное для нижестоящих судебных инстанций, имеет принципиальное значение, поскольку институт субсидиарной ответственности есть не что иное, как правомерное средство нарушения базового принципа — ограниченной ответственности юридического лица, а потому его использование должно быть подкреплено существенными аргументами.

Игнорирование «основного начала» при применении субсидиарной ответственности в банкротстве привело к тому, что указанный механизм превратился в одно из наиболее простых и распространенных способов пополнения конкурсной массы должника: по статистике, каждое третье заявление о привлечении

³¹ Некоторые из предложенных примеров подробнее раскрыты в работе М. Момзиковой (*Момзикова М. Контролирующее должника лицо: кто ответит по долгам компании? // Юридический справочник руководителя. 2021. № 2. С. 42–47*).

³² См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2023 № Ф05-21742/2021 по делу № А40-33540/2020; постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.01.2022 № Ф05-4277/2019 по делу № А41-53659/2017.

³³ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.05.2021 № Ф05-5719/2020 по делу № А41-60200/2017; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.06.2019 № Ф09-6056/17 по делу № А07-12147/2015.

³⁴ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.04.2021 № Ф05-16238/2018 по делу № А40-131425/2016.

³⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.08.2019 № Ф09-729/17 по делу № А07-1646/2016 (в рамках данного дела к субсидиарной ответственности была привлечена теща генерального директора должника, а также близкий друг генерального директора).

³⁶ См.: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2019 по делу № А03-9933/2018.

³⁷ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2019 по делу № А40-218194/2016.

³⁸ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016; определение АС Челябинской области от 16.12.2020 по делу № А76-22330/2018 (в данном деле суд хотя и отказал в привлечении к субсидиарной ответственности, но всё же позволил наложить арест на движимое и недвижимое имущество юриста в качестве обеспечительной меры).

³⁹ См.: *Мифтахутдинов Р. Т.* Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.

к субсидиарной ответственности (независимо от категории ответчика/ответчиков) подлежит удовлетворению⁴⁰.

Получается, что при столкновении с процедурой банкротства очередной основной принцип теряет свое значение и прочность.

Под сомнение ставятся не только обозначенные нормативные правила, касающиеся субъекта и оснований ответственности. Примеры обнаруживаются и в иных ситуациях, связанных с указанным институтом.

В частности, Закон о банкротстве закрепляет период контроля, в пределах которого лицо еще считается ответчиком по такому спору (в ранее действовавшей редакции — 2 года; в текущей редакции — 3 года, предшествующих возникновению признаков банкротства). Здесь также обнаруживаются послабления: в п. 30 *Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3(2018)*⁴¹ отмечено, что в ситуации, когда кредитор объективно не имел возможности инициировать дело о банкротстве по обстоятельствам, зависящим от контролирующего лица, последнее *не вправе ссылаться на прекращение контроля над должником за пределами двухлетнего срока как на основание для освобождения от привлечения к субсидиарной ответственности по долгам должника*. Аналогичная позиция была изложена и в другом судебном акте Верховного Суда РФ — *определении от 31.08.2020 № 305-ЭС19-24480 по делу № А41-22526/2016*.

В качестве иного примера можно назвать объем ответственности привлекаемого лица. В процедуре банкротства как будто больше на работает ключевой принцип гражданско-правовой ответственности — восстановление положения, существовавшего до нарушения права. А установленные в п. 2 Постановления ВС РФ № 53 правила о применении положений гл. 59 ГК РФ к данной категории споров носят декларативный характер.

Такой вывод следует из анализа положений Закона о банкротстве в части правил о размере ответственности привлекаемого лица (п. 11

ст. 61.11, п. 2 ст. 61.12) и их соотношения с абз. 2 п. 2 ст. 393, п. 1 ст. 1064 ГК РФ, закрепляющих необходимость возмещения того вреда, который был причинен. Ответчик по спору о привлечении к субсидиарной ответственности фактически несет санкцию за свое поведение, поскольку отвечает на гораздо большие суммы, чем мог причинить вред.

Таким образом, и без того едва очерченные законодателем границы применения указанного института окончательно стираются правоприменительной практикой. Подобное едва ли можно назвать разумной тенденцией, учитывая, как было указано выше, круг привлекаемых лиц, давность действий, за которые возможно такое привлечение, а также объем ответственности.

Как видим, очередной, казалось бы, нарушимый постулат теряет свою силу при столкновении с процедурой банкротства. Вызывает разумные опасения то, с какой легкостью правоприменительные органы и научное сообщество (благо, что не единогласно) поддерживают эту тенденцию.

Институт несостоятельности vs правила об исковой давности

В силу взаимосвязанных положений ст. 195 ГК РФ и п. 1 *постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»* (далее — Постановление ВС РФ № 43) исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. В отличие от пресекательного срока⁴² истечение исковой давности не влечет прекращения существования права и, соответственно, притязания, но может стать препятствием для рассмотрения спора и принятия решения по существу, если будет заявлено о применении исковой давности (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

В этой связи справедливым видится определение, предложенное Е. А. Крашенинниковым:

⁴⁰ К 2023 г. этот показатель увеличился и теперь можно говорить о том, что удовлетворению подлежит каждое второе из поданных заявлений. Такие данные указаны в статистическом бюллетене за 2023 г. по заявлению о субсидиарной ответственности (URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический_бюллетень_Федресурс_банкротство_2023.pdf (дата обращения: 01.04.2024)).

⁴¹ См.: *Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018)*, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018.

⁴² Подробнее о пресекательных сроках см.: *Асосков А. В.* Пресекательные сроки и их соотношение с другими видами гражданско-правовых сроков // *Вестник гражданского права*. 2018. № 4. С. 46–73.

исковая давность — это время, в пределах которого допускается принудительное осуществление права на иск с помощью юрисдикционного органа. Автор пишет, что управомоченное лицо может воспользоваться присущей праву на иск способностью лишь в границах установленного в законе давностного срока⁴³.

Причины установления института исковой давности разные ученые определяют по-своему. Например, Д. Е. Мейер указывал, что таким образом законодатель намерен наказать управомоченное лицо за промедление в осуществлении своего судебного притязания: «... если лицо не заботится об осуществлении своего права, если предоставляет другому пользоваться его выгодами, то лицо заслуживает лишения этого права; это для него нравственно-справедливое наказание»⁴⁴.

Е. А. Крашенинников с таким подходом не согласен и обосновывает важность института исковой давности следующими аргументами:

1) государство и общество нуждаются в определенности гражданских правоотношений;

2) противодействие произволу истца, который намеренно затягивает обращение за судебной защитой, поскольку по истечении длительного времени доказательственный арсенал последнего с неизбежностью застаревает и уничтожается.

Таким образом, резюмирует автор, институт исковой давности необходим для обеспечения определенности в гражданских правоотношениях и облегчения защиты от застарелых требований⁴⁵.

В сходном ключе рассуждают авторы комментария к ст. 195 ГК РФ под редакцией А. Г. Карапетова: в целом исковая давность охраняет «наше настоящее от вторжения застарелого прошлого». Ответчик, в отличие от истца, не имеет юридических средств возбудить судебный процесс вовремя, а потому всецело находится во власти последнего. Длительная пассивность истца ставит под сомнение само существование и обоснованность его притязания, и поэтому давность становится надежным «свидетелем» ответчика. Цель института исковой давности — упорядочение и дисциплини-

рованность участников оборота, обеспечение своевременной защиты прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собрания и сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов⁴⁶.

Как видим, ученые сходятся в том, что институт исковой давности — необходимый «якорь», позволяющий внести ясность в правовые отношения, исключая возможность вечной процессуальной подвешенности сторон, ожидающих в любое время предъявления судебного иска.

Важность указанного инструмента определяется нормативными правилами об императивности его действия: в силу ст. 198 ГК РФ сроки исковой давности и порядок их исчисления не могут быть изменены соглашением сторон, а основания приостановления и перерыва течения срока предусматриваются только ГК РФ и иными законами.

В общем и целом речь идет об очередном базовом институте, послабление в использовании которого, а также модификация восприятия которого может привести к существенным негативным последствиям. При этом институт несостоятельности (даже без учета исследования дела Балаяна) вносит некоторые коррективы. Впрочем, не все из них имеют негативную окраску.

В частности, в силу ст. 205 ГК РФ в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. С учетом буквального толкования предложенных положений, а также сложившейся правоприменительной практики заявление о восстановлении пропущенной исковой давности может подать только гражданин.

⁴³ См.: Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 23.

⁴⁴ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003.

⁴⁵ См.: Крашенинников Е. А. Указ. соч. С. 33–35.

⁴⁶ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0].

Так, в п. 8 *Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2022)*, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022, указано, что срок исковой давности, пропущенный истцом — юридическим лицом, о применении которого заявил ответчик, не подлежит восстановлению судом независимо от причин его пропуска. В этом же пункте Верховный Суд РФ указывает, что по смыслу положений ГК РФ такая возможность не предусмотрена для индивидуальных предпринимателей. Указанный вывод ранее был обозначен в п. 12 *Постановления ВС РФ № 43*: срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином — индивидуальным предпринимателем, по требованиям, связанным с осуществлением им предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин пропуска.

Приведенные положения не совсем понятны с точки зрения логики и справедливости регулирования.

Действительно, человек может испытывать физическое недомогание или находиться в обстоятельствах, которые не позволяют своевременно обратиться за судебной защитой, однако подобные причины не исключены для юридического лица, действующего в лице своих органов, которые могут выполнять свои полномочия недобросовестно. Невозможность своевременного обращения за судебной защитой будет обусловлена иными, но объективными и вполне существенными причинами, связанными с поведением отдельных лиц, «олицетворяющих» юридическое лицо.

Тем более что в абз. 2 п. 2 *Постановления ВС РФ № 43* указано, что в исключительных случаях, когда пропуск срока исковой давности имел место, например, ввиду явно ненадлежащего исполнения законными представителями таких лиц возложенных на них законодательством полномочий, пропущенный срок исковой давности может быть восстановлен по заявлению представляемого или другого уполномоченного лица в его интересах. Такая логика вполне уместна для обоснования допустимости обращения юридического лица с заявлением о восстановлении пропущенного срока исковой

давности при обнаружении подобных обстоятельств⁴⁷.

В ситуации с индивидуальными предпринимателями исключение выглядит еще более абсурдно, учитывая причины, по которым исковая давность может быть пропущена в контексте ст. 205 ГК РФ: физическое недомогание или незнание испытывает лицо, и наличие или отсутствие статуса индивидуального предпринимателя на это не влияет.

Тем не менее, несмотря на спорность такого подхода, положения ГК РФ в указанной части не ставятся под сомнение и воспринимаются буквально. С другой стороны, даже несмотря на то, что автор настоящей статьи не совсем согласен с такой позицией законодателя, она лишней раз подчеркивает нерушимость института исковой давности. В этом также просматривается желание четко очертить временные рамки для предъявления требований, выход за которые допустим лишь в исключительных случаях.

Так или иначе, в контексте процедуры несостоятельности указанные правила действуют не столь строго. В частности, в абз. 2 п. 62 *Постановления ВС РФ № 53* указано, что срок исковой давности (для привлечения к субсидиарной ответственности) арбитражному управляющему, кредиторам, являющимся юридическими лицами или предпринимателями, может быть восстановлен лишь в исключительных случаях, когда они действительно были лишены возможности своевременно обратиться в суд по независящим от них причинам. Но в любом случае не подлежат восстановлению предельные объективные сроки давности (3 года и 10 лет).

Таким образом, в целях защиты интересов кредиторов, а также иных участвующих в деле о банкротстве лиц возможно отступление от общего правила о недопустимости восстановления пропущенного срока давности. И хотя автор настоящей работы в целом с данным подходом согласен, тем не менее не может не отметить, что это очередной пример отступления от строгих правил в угоду банкротному процессу.

Квинтэссенцией развития обозначенных событий стало дело Р. Г. Балаян (*определение Верховного Суда РФ от 26.02.2024 № 305-ЭС20-20127(20) по делу № А40-32986/2019*). В рамках

⁴⁷ Автор осознает, что институт представительства не в полной мере применим к органам юридического лица, однако в некоторых частях с учетом разъяснений п. 121 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» это всё же возможно.

данного дела финансовый управляющий пытался оспорить договор купли-продажи квартиры 2001 г.; заявление об оспаривании сделки было подано в 2022 г. Первоначально при рассмотрении указанного заявления в удовлетворении требований финансовому управляющему было отказано, пока суд кассационной инстанции не вернул его на повторное рассмотрение; после этого заявленные требования были удовлетворены, а спор оказался на рассмотрении Верховного Суда РФ.

Заслуживают внимания в данном случае следующие обстоятельства: представление доказательств мнимости заключенного договора; факт начала исполнения данного договора; возникновение долга перед кредитором спустя 10 лет после его заключения и исполнения (требования кредитора возникли в 2010 г.); регистрация перехода права собственности на спорное помещение в 2001 г.

Принципиальное несогласие сторон спора касалось порядка исчисления исковой давности: финансовый управляющий настаивал, что узнал о спорной сделке в 2019 г., в суд требование было предъявлено в 2021 г., а значит, исковая давность не пропущена; ответчик возражал, что сделка начала исполняться в 2001 г., в связи с чем исковая давность по требованию о применении последствий недействительности давно пропущена; такой срок связан с объективным началом исполнения, а не субъективной осведомленностью оспаривающего лица о данной сделке.

Верховный Суд РФ занял позицию ответчика, согласившись, что исполнение спорной сделки началось в 2001 г., когда была произведена регистрация перехода права собственности на спорную квартиру, и именно с этой даты необходимо считать начало течения исковой давности. В судебном акте предложен анализ ранее действовавших и текущих положений закона в части правил и порядка исчисления исковой давности и сделан вывод о том, что арбитражный управляющий пропустил срок для оспаривания договора.

Интерес вызывает даже не столько само дело и результаты его рассмотрения (хотя это тоже важно), сколько реакция, которая последовала за его принятием. Исследователи и уче-

ные разделились на два противоборствующих лагеря: одни (О. Р. Зайцев⁴⁸, Р. С. Бевзенко⁴⁹, И. С. Чупрунов⁵⁰ и др.) полагают, что Верховный Суд РФ занял некорректную позицию, другие же (среди которых М. А. Церковников⁵¹, а также автор настоящей статьи) считают, что позиция высшей инстанции оправданна. Обоснование ошибочности подхода Верховного Суда РФ в этом деле в целом соответствует высказываниям о любом ином базовом инструменте (описанном ранее), который уничтожается в банкротной процедуре: необходимость защиты интересов кредиторов, чьи права в противном случае нарушаются.

Опуская правовую оценку корректности или ошибочности подхода Верховного Суда РФ с точки зрения применения норм об исковой давности, в контексте настоящей статьи следует обратить внимание на то, что ключевой аргумент о «необходимости защиты интересов кредиторов» не выдерживает никакой критики. Институт исковой давности буквально создан для того, чтобы обеспечить стабильность и определенность, которая возможна и гарантирована за счет абсолютного признания, что в какой-то момент нарушенное право не будет защищено. С правовой сущностью и целями установления института исковой давности никто не спорит — это устоявшийся научный и нормативный подход.

По этой причине не совсем уместными видятся возражения о том, что применительно к процедуре банкротства невозможность кредиторов обратиться за взысканием на какое-то имущество должника приводит к существенному нарушению интересов последних, а значит, должна открывать возможности, недоступные в любом ином споре, например игнорирование правил применения исковой давности. Логичен вопрос: чем процедура банкротства важнее иных правоотношений, в которых подобные идеи не звучат?

Здесь же обращает на себя внимание и давность совершения сделки: оспариваемый договор был заключен в 2001 г. При этом специальный закон (гл. III.1 Закона о банкротстве) намеренно устанавливает периоды подозрительности, то есть временные лимиты проверки хозяйственной деятельности должника, которые также были полностью проигнорированы

⁴⁸ URL: <https://t.me/Shokobear>. Пост от 07.03.2024 (дата обращения: 10.03.2024).

⁴⁹ URL: <https://t.me/loaderfromSVO>. Пост от 07.03.2024 (дата обращения: 10.03.2024).

⁵⁰ URL: <https://t.me/lapartitaliana>. Пост от 08.03.2024 (дата обращения: 10.03.2024).

⁵¹ URL: <https://t.me/tserkovnikov>. Пост от 07.03.2024 (дата обращения: 10.03.2024).

в рамках рассматриваемого спора. Хотя и это (как и институт исковой давности) служит обеспечению стабильности и защищенности контрагентов должника по таким сделкам.

Согласие автора статьи с позицией Верховного Суда РФ в комментируемом деле во многом обусловлено ключевой идеей, ради которой подготовлена настоящая работа, — процедура банкротства не может и не должна стать законным средством уничтожения любых основополагающих конструкций в угоду обеспечения эгоистического интереса сообщества кредиторов должника и иных вовлеченных в процедуру лиц. Комментируемое определение демонстрирует готовность судебных органов затормозить распространение обратного подхода.

Таким образом, несмотря на некоторые обозначенные послабления, процедура несостоятельности (банкротства) пока не смогла в полной мере подавить институт исковой давности.

Значение института несостоятельности (банкротства)

Рассуждения о соотношении банкротных отношений и некоторых правовых конструкций приводят к выводу о необходимости установления правовой сущности процедуры банкротства. Автор полагает, что отсутствие четкого представления о том, какую роль играет конкурсный процесс, приводит к такому неоднозначному развитию правоприменительной практики и научной мысли.

Наблюдается, что постепенно процедура банкротства превращается в «законную гильтину» для многих основополагающих институтов, что категорически недопустимо, потому как оправдание такого ее использования — защита интересов кредиторов должника и иных лиц, участвующих в данном споре, — не выдерживает никакой критики.

Каждый участник спора о несостоятельности (как и в любом ином споре) преследует собственный эгоистичный интерес; иногда такие лица могут объединяться в группы в зависимости от консолидированной потребности, а потому защита таких прав и свобод в более приоритетном или особом порядке, чем в любых иных правоотношениях, выглядит неубедительно. Более того, осознание объема возможностей может привести к распространению злоупотреблений со стороны кредиторов и иных лиц, участвующих в процедуре банкротства, мани-

пулированию должником с целью достижения желаемых результатов при помощи правовых инструментов, возможно даже запугиванию должника инициацией процедуры банкротства с вытекающими из нее последствиями. Подобное развитие указанной сферы правоотношений категорически недопустимо.

При всем многообразии исследований, посвященных отдельным проблемам в области несостоятельности (банкротства), практически не обнаруживается научных работ, сосредоточенных на раскрытии цели и сущности банкротного механизма, хотя данное понимание является основополагающим в контексте нормативного конструирования происходящих в этой процедуре процессов. Важно оно и при определении границ и допустимых возможностей использования банкротного механизма. Закон о банкротстве никаких указаний на данный счет не содержит.

Автор ранее отмечал в своем диссертационном исследовании, что процедура банкротства — это «сито», благодаря которому оказывается необходимая правовая помощь тем должникам, которые могут преодолеть возникшие (или предполагаемые) финансовые трудности, а также исключаются из оборота те из них, которые не способны исполнять принятые на себя обязательства и представляют собой угрозу для иных участников правоотношений.

Иными словами, у этой процедуры нет четкого «полюса», что предопределяет вывод о невозможности (и даже некорректности) ее восприятия в качестве средства защиты интересов кредиторов или иных участников процедуры. Даже в ситуации, когда последние смогут получить полное удовлетворение своих требований, такой результат не может быть самоцелью обращения к банкротным инструментам; цель — восстановление финансовой стабильности должника, за счет чего его обязательства могут быть исполнены в полном объеме. В случае невозможности продолжения должником деятельности и необходимости его ликвидации интересы кредиторов также не имеют определяющего значения. Банкротные нормы в таком случае гарантируют прозрачность и законность проведения процедуры; недопустимость ущемления интересов кого-либо из участников (включая и самого должника) с учетом того смысла, который определен специальным законом. Так что точка зрения о том, что процедура банкротства направлена на удовлетворение интересов кредиторов должника,

не имеет под собой ни правового, ни научного обоснования.

Подтверждение подобных рассуждений обнаруживается в зарубежной литературе. Например, в одном из исследований автор указывает, что процедура банкротства позволяет снизить долговое бремя должника, согласовать иные (льготные) сроки исполнения обязательств, а также предлагает некоторые иные механизмы, направленные на преодоление долговой нагрузки нуждающихся⁵².

В другой обнаруженной работе Адам Левитин раскрывает несколько причин существования законодательства о банкротстве (подчеркивая, что необходимость последнего далеко не всегда очевидна):

а) решение информационных проблем: создание законных препятствий кредиторам для принятия решения о банкротстве (что может помешать внесудебному урегулированию), поскольку кредиторы недостаточно информированы о настоящем состоянии должника; судебная процедура банкротства, в свою очередь, создает режим раскрытия информации;

б) решение проблемы коллективных действий: предотвращение такого поведения кредиторов, которое препятствует эффективному решению долговых проблем; вне рамок банкротства, как указывает автор, кредиторы соревнуются друг с другом за первенство в различных вопросах (взыскание задолженности и получение удовлетворения; наложение ареста на имущество должника и пр.); процедура банкротства — процессуальный механизм для упорядочивания действий соответствующего сообщества и справедливого распределения недостаточной имущественной массы должника;

в) решение проблемы сохранения текущей стоимости активов должника: эта проблема имеет первостепенное значение для тех пред-

приятий, которые не могут быть восстановлены; текущая стоимость, уточняет А. Левитин, не равна ликвидационной стоимости (она выше последней); иными словами, процедура банкротства позволяет реализовать такое предприятие как единый актив (без дробления на части), когда текущая стоимость (стоимость всех частей) выше, чем цена отдельной части;

г) решение проблемы распределения потерь в обществе: как указывает автор, банкротство является системой урегулирования убытков в условиях свободной рыночной экономики, так как любой бизнес может потерпеть крах и банкротство послужит механизмом перераспределения риска от неудач бизнеса; законодательство о банкротстве должно включать в себя такую систему распределения убытков, которая пытается обеспечить хотя бы определенную долю справедливости⁵³;

д) предоставление возможности «нового старта»: решение данной проблемы более характерно для банкротства физических лиц, но вполне применимо и для юридических лиц; важно обратить внимание, что автор среди прочего указывает, что сиюминутное финансово нестабильное положение может препятствовать получению финансирования на действительно выгодные проекты; таким образом, банкротство позволяет не просто снизить долговую нагрузку, а предоставить возможность для дальнейшей реализации и экономического развития⁵⁴.

Разумеется, этим перечень иностранных исследований, посвященных значимости и назначению банкротного регулирования и самого института, не исчерпывается, но уже в достаточной мере демонстрирует ограниченность того подхода, который был воспринят на национальном уровне. Значение института банкротства во многом превосходит необходимость защиты

⁵² *Paucanu A. M. Understanding the Ecosystem and Starting a Business // Guidelines for Starting and Managing Businesses. 2016. P. 119–144.*

⁵³ Здесь необходимо остановиться чуть подробнее, поскольку А. Левитин высказал идеи, заслуживающие внимания. Он указывает, что в основе законодательства о банкротстве лежит принцип «справедливость — это равенство»: убытки должны распределяться между кредиторами на пропорциональной основе. Эта базовая политика функционирует как система социального страхования, которая помогает распределить ущерб от экономических потерь, вызванных различными экономическими и правовыми явлениями. Несмотря на то что закон о банкротстве исходит из принципа «справедливость — это равенство», существует множество исключений; из-за них некоторые группы кредиторов, пользующиеся законным преимуществом, получают больше, чем другие (и за счет других). Это означает, что банкротство — это система передачи богатства между различными группами общества.

⁵⁴ *Levitin J. A. Business Bankruptcy: Financial Restructuring and Modern Commercial Markets. 3rd Edition. 2022. P. 80–87.*

интересов гражданско-правового сообщества кредиторов, а потому извращение базовых категорий в угоду этой цели представляется тем более неправильным и даже опасным.

Заключение

Резюмируя настоящее исследование, необходимо отметить ряд ключевых выводов, отражающих основные идеи автора.

Прежде всего, обнаружена глобальная проблема искаженного понимания института банкротства, который с учетом развития судебной практики и научных мыслей всё более превращается в инструмент «наказания» для должников и лиц, с ним связанных.

В угоду защите интересов кредиторов должника совершаются действия, нивелирующие значимость основных правовых категорий: например, принципа ограниченной ответственности, недопустимости вмешательства в частные дела, восстановительной функции гражданско-правовой ответственности. Спор по делу Р. Г. Балаян подсветил остроту такой проблемы. Процедура банкротства не «священная

корова», которой позволено всё, даже модифицировать основы построения гражданских правоотношений.

Во многом, по мнению автора, такое искажение и перевес в сторону кредиторов обусловлен нежеланием четко установить правовую роль института банкротства и соответствующего специального законодательства, хотя именно этот аспект является определяющим для корректного правового регулирования и применения правовых норм. Возможно, отсутствие четкого представления о назначении процедуры банкротства — намеренный шаг законодателя, правоприменительных органов и научного сообщества с целью восприятия его в любом качестве, в том числе допускающем столь явно некорректное использование, которое описано в настоящей статье.

Автор полагает, что в текущий момент важно притормозить распространение обозначенной тенденции в восприятии института банкротства. Это лишь один из множества иных инструментов, который имеет важное, но не определяющее и не приоритетное значение, а потому не может и не должен быть поставлен на правовой пьедестал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемова А. Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию // Юрист. 2019. № 11. С. 36–42.

Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120–144.

Асосков А. В. Пресекательные сроки и их соотношение с другими видами гражданско-правовых сроков // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 46–73.

Ачкасов Л. А. Доктрина снятия корпоративной вуали: законодательное регулирование // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4. С. 32–36.

Березина Е. А. Вмешательство в чужие договорные отношения в деликтном праве // Договоры и обязательства : сборник работ выпускников Российской школы частного права. Т. 2 : Особенная часть / под ред. А. В. Егорова, А. А. Новицкой. М. : РШЧП, 2018.

Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 80–125.

Верещагин А., Румак В. Принцип ограниченной ответственности у нас фактически упразднен [Интервью с Д. И. Степановым] // Закон. 2020. № 11. С. 8–19.

Гуна А. Н. Координация требований к должникам из разных оснований. Преодолевая догму // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 165–190.

Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 31–73.

Копяков А. А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146–196.

Корпоративное право : учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2019. 735 с.

- Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997.
- Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98 ; № 4. С. 7–54.
- Курбанов Б. М., Усачева К. А. Институт внеконкурсного оспаривания. Какие нюансы следует учесть на практике // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 1. С. 83–86.
- Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений : учеб. пособие. М. : Статут, 2020. 146 с.
- Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33.
- Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 831 с.
- Мифтахутдинов Р. Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.
- Момзикова М. Контролирующее должника лицо: кто ответит по долгам компании? // Юридический справочник руководителя. 2021. № 2. С. 42–47.
- Осипов В. А. Признание недействительными сделок лиц, недобросовестно вторгающихся в чужие договорные отношения // Арбитражные споры. 2021. № 4.
- Османова Д. О. Обоснованная интервенция в условиях несостоятельности (банкротства) должника // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 95–104.
- Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. 1582 с.
- Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 105–112.
- Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с.
- Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. М. : ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.
- Тарасов П. А. Соотношение ответственности нарушившей обязательство стороны и деликтной ответственности недобросовестного интервента // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 135–154.
- Ульянов А. В. О признании недействительными сделок на основании вторжения в чужие договорные отношения // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М. : ИЗиСП, Контракт, 2019. Вып. 25. С. 19–34.
- Усачева К. А. Основы внеконкурсного оспаривания в немецком и австрийском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 131–176.
- Чупрунов А. С. Тезисы к научно-практическому круглому столу «Интервенция в чужие договорные отношения» // URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Chuprunov_M-Logos.pdf.
- Шмакова Е. Н. К вопросу об определении пределов действия принципа ограниченной ответственности (анализ законодательства) // Вестник арбитражной практики. 2017. № 5. С. 72–77.
- Levitin J. A. Business Bankruptcy: Financial Restructuring and Modern Commercial Markets. 3rd Edition. 2022. 1008 p.
- Pauceanu A. M. Understanding the Ecosystem and Starting a Business // Guidelines for Starting and Managing Businesses. 2016. P. 119–144.

REFERENCES

- Achkasov LA. Lifting the corporate veil doctrine: Legislative regulation. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2021;4:32-36. (In Russ.).
- Arhipova AG, Baybak VV, Gromov SA, et al. Substitution of parties as to obligation and responsibility for violation of an obligation: Commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Edited by Karapetov AG. Moscow: M-Logos Publ.; 2022. (In Russ.).

- Artemova AN. The «lifting the corporate veil» doctrine as a response to the abuse of law by persons controlling the corporation. *Yurist [Jurist]*. 2019;11:36-42. (In Russ.).
- Asoskov AV. Conflict of laws regulation of corporate cover removal. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2013;5:120-144. (In Russ.).
- Asoskov AV. Preventive terms and their relation to other types of civil law terms. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2018;4:46-73. (In Russ.).
- Baybak VV, Bevzenko RS, Budylin SL, et al. Transactions, representation, limitation period: An article-by-article commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Edited by Karapetov AG. Moscow: M-Logos Publ.; 2018. [Electronic edition. Edition 1.0]. (In Russ.).
- Belyaeva OA, Burlakov SA, Vildanova MM, et al. *Modern corporate law: Current problems of theory and practice*. A monograph. Edited by Gutnikov OV. Moscow: IZiSP, Statut Publ.; 2021. (In Russ.).
- Berezina EA. Interference in other people's contractual relations in tort law. In: Egorova AV, Novitskaya AA, editors. *Contracts and obligations. A collection of paper by graduates of the Russian School of Private Law*. Vol. 2: A special part. Moscow: RShChP Publ.; 2018. (In Russ.).
- Budylin SL, Ivanets YL. Ripping off the covers. Lifting the corporate veil doctrine in foreign countries and in Russia. *Vestnik VAS RF*. 2013;7:80-125. (In Russ.).
- Chuprunov AS. *Theses for the scientific and practical round table «Intervention in contractual relations»*. Available from: https://m-logos.ru/img/Tezis_Chuprunov_M-Logos.pdf. (In Russ.).
- Egorov AV, Usacheva KA. «Lifting the corporate veil» doctrine as a tool for distributing risks between the participants of the corporation and other parties of civil relations. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2014;1:31-73. (In Russ.).
- Gabov AV, Gubin EP, Karelina SA, et al. *Corporate law: A textbook*. Edited by Shitkina IS. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
- Guna AN. Coordination of claims against debtors on different grounds. Overcoming Dogma. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2021;7:165-190. (In Russ.).
- Kopyakov AA. The problem of compensation for net economic losses in Russian civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2020;1:146-196. (In Russ.).
- Krashennikov EA. *The concept and subject of limitation period*. Yaroslavl; 1997. (In Russ.).
- Kurbanov BM, Usacheva KA. The institute of out-of-court challenge. What nuances should be taken into account in practice. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*. 2017;1:83-86. (In Russ.).
- Kuznetsov AA. Transfer of a share in the authorized capital (shares): Practical and theoretical problems. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2023;3:62-98; 4:7-54. (In Russ.).
- Levitin JA. *Business Bankruptcy: Financial Restructuring and Modern Commercial Markets*. Third Edition. 2022.
- Lomakin DV. *Commercial corporations as subjects of corporate legal relations: A study guide*. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
- Lomakin DV. The lifting of corporate veil concept: Implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik VAS*. 2012;9:6-33. (In Russ.).
- Meyer DI. *Russian civil law (in 2 parts)*. Based on the 8th ed., revised and supplemented; 1902. 3rd ed., rev. Moscow: Statut Publ.; 2003. (In Russ.).
- Miftakhutdinov RT. The evolution of the institution of subsidiary liability in bankruptcy: Causes and consequences of legal reform. *Zakon*. 2018;5:187-191. (In Russ.).
- Momzikova M. The person controlling the debtor: Who will be accountable for the company's debts? *Yuridicheskiy spravochnik rukovoditelya*. 2021;2:42-47. (In Russ.).
- Osipov VA. Invalidation of transactions of persons who dishonestly interfere into contractual relations. *Arbitrazhnye spory*. 2021;4. (In Russ.).
- Osmanova DO. Reasonable intervention in the conditions of the debtor's insolvency (bankruptcy). *Khozyaystvo i pravo [Business and Law]*. 2021;6:95-104. (In Russ.).
- Pauceanu AM. *Understanding the Ecosystem and Starting a Business. Guidelines for Starting and Managing Businesses*. 2016. Pp. 119–144.
- Shmakova EN. On the issue of determining the limits of the principle of limited liability (analysis of legislation). *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2017;5:72-77. (In Russ.).
- Sviridenko OM. Transactions detrimental to the creditors beyond the insolvency proceedings (out-of-court challenge). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;2:105-112. (In Russ.).

Tarasov PA. The ratio of the responsibility of the party who violated the obligation and the tort liability of the unfair interventionist. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2020;10:135-154. (In Russ.).

Ulyanov AV. *On invalidation of transactions on the basis of interference into contractual relations. Commentary on court practice*. Edited by Yaroshenko KB. Moscow: IZiSP, Kontrakt Publ.; 2019. Vol. 25. Pp. 19–34. (In Russ.).

Usacheva KA. The basics of out-of-court challenge in German and Austrian law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2017;11:131-176. (In Russ.).

Vereshchagin A, Rumak V. The principle of limited liability has actually been abolished in our country [Interview with D.I. Stepanov]. *Zakon*. 2020;11:8-19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Османова Диана Османовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва 125993, Российская Федерация
doosmanova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana O. Osmanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
doosmanova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 2 февраля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2024 г.

Received 02.02.2024.

Revised 10.04.2024.

Accepted 15.04.2024.